

Фантастический рассказ

Все, граничащее с этим «Ничто», физически неизбежно ввергается туда, чтобы затем там мгновенно также превратиться в «Ничто», а это значит — бесследно исчезнуть.

Густав Мейринк¹. Черный шар

По Земле, вначале в городах с миллионным населением, потом с десятиллионным и, наконец, в мегаполисах стали распространяться мифические слухи, что на планете Риддх, вращающейся вокруг Звезды Эпсилон Инди, сделано прямо-таки экстраординарное открытие.

После того как несколько десятилетий назад Землю посетил космический корабль риддхан, между двумя планетами установилась радиосвязь. Ввиду колоссальной удаленности — двена-

---

¹ Австрийский писатель-экспрессионист (1868—1932).

дцать световых лет — это, разумеется, был не диалог, а скорее одновременное существование двух монологов, ибо ответ на какой-либо вопрос самое раннее мог поступить через двадцать четыре года. К тому же то и дело возникали неясности при переводе посланий. Основательно разнились понятийные системы в некоторых сферах науки.

Земля с опозданием на четырнадцать лет узнала о старте второго риддханского космического корабля и находящемся на его борту изобретении, которое жители Риддха намеревались подарить человечеству. Говорилось о дешевом способе превращения одного химического элемента в другой или даже о неисчерпаемом источнике энергии, подлинном перпетуум-мобиле.

Точно этого, однако, знать не могли, ибо радиограмма была непонятной, и поэтому кое-кто, прочитав ее, шел, что дело, пожалуй, скорее носит математический характер и, вероятно, не так уж важно. Поскольку в сообщении шла речь и об «односторонней поверхности», это наводило на мысль о листе Мёбиуса и о своего рода зеркале.

Таким образом, каждый мог ожидать того, чего ему хотелось, и был уже заранее доволен — даже два средневропейских писателя; последние полагали, что ничего толкового быть не может, они утверждали и заранее радовались, что в недалеком будущем еще раз окажутся правы.

Тем временем корабль риддхан приближался к Солнечной системе; он летел значительно быстрее первого, который все еще находился на обратном пути. Второй двигался едва ли не со скоростью света, и с момента поступления радиосообщения на Землю прошло всего несколько лет.

Сейчас вспомнили об изобретении, о котором в уведомлении говорилось, что оно в состоянии решить одну из животрепещущих проблем земной цивилизации. Именно из-за этой проблемы в прошедший период времени человечество забыло о риддханах и обещанном ими подарке. Теперь, однако, ему снова пришлось на память, и оно ожидало инопланетных космических путешественников, как Деда Мороза, в которого на сей раз можно было даже поверить всерьез.

Приземление произошло в заранее предусмотренном районе — на окраине Большой Северо-Африканской свалки мусора.

На корабле оказалось только двое риддхан. Комитет землян по встрече гостей приветствовал их, заверил в нерушимой дружбе и, как бы между прочим, чтобы не показаться невежливым, осведомился о презенте.

Риддхане поблагодарили за несломленную, как выразился автомат-переводчик, дружбу и заявили, что хотят по возможности быстрее передать представителям общественности свое изобретение.

Показ происходил в Циннвальде, где был основан Центральный институт по связям с преисподней и внеземной цивилизациями; истины ради следует сказать, что назывался он так лишь с профилактической целью, ибо его сотрудники занимались исключительно самими собой, а также риддханами, которые в свое время приземлились вблизи этого места. Выступление двух гостей в Большом зале Института транслировалось по первой программе всеми телевизионными станциями.

Посередине, на подиуме, стояли оба вземных гостя: пилот корабля, пожилой мужчина мощного телосложения, и молодой исследователь, который прибыл, чтобы продемонстрировать свое детище; его темно-фиолетовые глаза выдавали в нем потомка риддхан — выходцев с Великого острова. Это не ускользнуло бы от любого, кто интересуется такого рода тонкостями, но, разумеется, никто этим не интересовался.

К потолку на тросах был подвешен, как восточный тамтам в храме, большой, в рост человека, в рост человека, круглый диск, обрамленный широким металлическим кольцом, на котором было множество болтов. Плоскость внутри кольца тускло поблескивала. Как сообщил автомат-переводчик, это была защитная оболочка.

В обычное приглушенное гудение пресс-конференций вплеталось объяснение изобретателя: сначала он будет показывать одну сторону своего создания — абсолютное зеркало.

Тем временем его спутник вывернул из металлического кольца болты, а потом снял мягко поблескивавшую облицовку. Позади нее оказалась плоская поверхность, напоминавшая зеркало. Оно висело, плавно покачиваясь.

— Зеркало, — произнес изобретатель. — Идеальное зеркало.

«Зеркало, — повторяли в зале. — Прекрасно, идеальное зеркало, но что изм до этого?», «Столько шума вокруг какого-то зеркала, ну нет уж!» — Дома большинство зрителей переключили свои телевизоры на вторую программу.

Между тем ученый-риддханин давал пояснения, характеризующие свойства зеркала, а пилот демонстрировал эти свойства. Идеальная зеркальная поверхность отражала абсолютно все: свет, инфракрасные и рентгеновские лучи, радиоволны, элементарные частицы — при этом совершенно не вступая в какую-либо реакцию.

Если до него дотронуться — наиболее смелые зрители могли подняться на подиум и попробовать, — нельзя ощутить ни тепла, ни холода. На поверхность направлялось пламя газовой горелки, лучи лазера, жидкий кислород — она оставалась неизменной, индифферентной.

Поверхность твердая и устойчивая: самые прочные материалы, сильные кислоты и щелочи, мощнейшие прессы не оставляли на ней ни малейшего следа.

Что бы ни попадало на плоскость — свет, тепло, стальной шар или кирпич, она все отбрасывала обратно.

Публика была зачарована. «Это действительно грандиозное изобретение», — говорили теперь все.

— Это лишь начало, — подлили масла в огонь риддхане.

Они снова закрепили перед зеркалом облицовку; по их знаку зеркало повернули на тросах, на которых оно висело. На обратной стороне находилась такая же защитная оболочка, но она была прикреплена к массивной раме значительно большим числом болтов, чем передняя.

Риддхане попросили освободить в зале передние ряды — на всякий случай, сказали они. Потом начали отсоединять вторую облицовку. Она была толще и тяжелее первой. Под ней скрывалась другая, прозрачная пластина, которая также крепилась к раме. Однако позади нее... Позади была черная пустота, и от нее веяло холодом.

Ученый-риддханин спокойным, непринужденным жестом указал на черноту в раме и произнес:

— Это односторонняя поверхность. Одна сторона — идеальное зеркало. Другая сторона отсутствует, ее попросту нет.

Затем снова начались эксперименты.

Пилот риддханского космического корабля взял со стола несколько ранее приготовленных предметов и начал их бросать в направлении черной поверхности через небольшое отверстие в защитной стеклянной пластине. Все они бесследно исчезали.

Потом он проделал то же самое с предметами, предложенными ему для этой цели самой публикой. Все они были отправлены в черную пустоту — и исчезли навсегда. Даже газеты без всякого сопротивления проглатывались черной дырой.

Гул голосов зрителей, изумление, сомнения, вопросы.

— Воистину Идеальная Пустота, — выкрикнул, исполненный зависти, один из техников, который обслуживал телевизионные установки.

— Это не Пустота, — опроверг его изобретатель, — это ничто. Это не Пустота, и идеальной она тоже не является.

— Строго говоря, это даже не совершенно ничто, — добавил пилот. — Другая сторона чего-то, что имеет только одну сторону.

— Реализованная абстракция, а потому в действительности не существует.

— Предел, не имеющий границ, так как он ничего не ограничивает.

— Рассчитанная поверхность, идеально проникаемая и все же ничего не пропускающая, ибо что проходит насквозь, прекращает свое существование.

— А чего нет, не может пройти насквозь.

— Ничто.

— Ничто.

Так говорили оба риддханина, говорили скорее между собой — публика не понимала того, о чем шла речь. Возможно, однако, это зависело от автомата-переводчика.

Было проведено еще много подобных опытов. Черная дыра поглощала все.

Деревянная указка, медленно введенная в плоскость, стала невидимой, когда же ее вытащили, недоставало части, которая побывала в Черноте.

Из Ничего исходил лютый холод; когда изобретатель приближал к поверхности стакан с водой, вода тут же замерзала.

В объяснения, каким образом происходят эти феномены, риддхане не вступали. «Несколько позднее, позднее...» — говорили они спокойным голосом автомата-переводчика.

Спустя два дня состоялся новый показ изобретения; на сей раз для узкой группы ученых-землян.

В заключение риддхане прокомментировали принцип квазиустойчивой сингулярности в нецелочисленных параметрах, в соответствии с принципом функционирует односторонняя зеркальная поверхность и прежде всего отрицательные параметры, которые вовсе не являются отрицательными, а лишь только так называются, ибо в них просто встречаются отрицательные промежутки.

Математики и физики смогли разобраться лишь в небольшой

части формул, но безосновательно утверждали, что поняли львиную долю. Два присутствовавших философа заявили, что им все стало ясно, однако высказали мысль о своих принципиальных опасениях.

Инженеры вообще только слушали, как изготавливается такое черное зеркало. Наконец они это выяснили, но потом захотели также узнать — для чего оно изготавливается.

Пилот улыбнулся. Им удалось так быстро преодолеть путь к Земле, ответил он, потому что их корабль был оснащен двумя подобными зеркалами: одно, установленное перед носовой частью, с освобожденной от оболочки черной недостающей стороной и обращенной вперед, другое — за хвостовой частью, с отражающей стороной, направленной назад, черное же отверстие, обращенное к кораблю, тщательно изолировано.

— Рефлектор для фотонного двигателя? Ну конечно же, это ведь идеальное зеркало, и оно не может плавиться! — выкрикивали возбужденные ученые и инженеры.

Пилот возразил, что, собственно, никакого двигателя и не требовалось. В вакууме всегда имеются отдельные молекулы, элементарные частицы, кванты энергии, которые наносят удары в направлении зеркала на корме и при этом передают свои импульсы кораблю. В то же время спереди каждое возникающее препятствие просто поглощается черной поверхностью и, стало быть, не может оказывать никакого сопротивления.

С дополнительным фотонным реактором, разумеется, двигались бы еще значительно быстрее. Он, однако, оказался вообще не нужен.

Тут в зале установилась тишина — такая тишина, что было слышно, как оба философа усердно перелистывали учебники.

Наконец раздался монотонный голос убеленного сединой профессора физики:

— Но это же в самом деле перпетуум-мобиле!

— Это он и есть, — подтвердил риддханский ученый.

В зале началась суматоха. Инженеры взялись рассчитывать коэффициент полезного действия и вероятные расходы. Физики стали спорить, какой перед ними ПМ — первого, второго или третьего рода. Математики вновь извлекли свои записи теоретических положений, заткнули уши и погрузились в формулы.

Один из философов в знак протеста покинул зал, другой задремал.

— Отсутствующую отверзопустую (так перевел автомат-переводчик) сторону можно использовать для термодинамического перпетуум-мобиле, — заметил риддханский изобретатель. — Его температура постоянно держится на абсолютном нуле.

— Правильно! — Это воскликнул профессор физики. — Цикл Карно со стопроцентным коэффициентом полезного действия; теоретически вся тепловая энергия превращается в механическую.

— И практически потери таковы, что о них и говорить не стоит, — сказал один из инженеров. — Перпетуум-мобиле второго рода.

— Ну нет, скорее минус первого рода: все-таки часть энергии фактически теряется в Пустоте, — возразил другой.

— Удобен для домашнего пользования, — бурно выразил

восторг третий, — соединить такое маленькое зеркало с газовой турбиной, а она приводится в движение обычным воздухом, который под собственным давлением идет в вакуум!

— Это неблагоразумно: запас воздуха на планете не безграничен. — Слова риддхана потонули во всеобщем шуме.

«Идеальный двигатель! — кричали. — Наконец-то будет покончено с загрязнением воздуха! И это абсолютно ничего не стоит! Теперь мы сможем сплавлять отбросы в черную дыру, и баста!», «Новое сырье мы доставим на наших новейших космических кораблях с наших новых планет! И лучшее! И в больших количествах!»

На гостей с Риддха никто не обращал внимания. Сначала техники и инженеры устремились из зала, чтобы немедленно приступить к постройке новых могущественных машин; за ними последовали ученые, погружившиеся в свои мысли или продолжавшие жаркие споры, последним очнулся философ и принялся искать своего коллегу.

Риддхане остались одни. Они тщательно закрепили защитные оболочки на обеих сторонах зеркала и затянули все болты.

— У меня есть опасения, — признался ученый-риддхан, уроженец Великого острова. — Они могут опрометчиво обойтись с зеркалом: швырнут еще что-либо ценное.

— Опасения? — вступил пилот. — Я упрекаю себя. Всю Вселенную, возникшую из первоначальной сингулярности и не распадающуюся благодаря гравитации, расширяющуюся от экспансивных импульсов, они постепенно выбросят в черную пустую половину: это, брат, проклятие, что мы отправились на Землю.

— Что же произойдет? — пробормотал изобретатель. — Однажды мы все исчезнем в негативном измерении континуума?